

С. 312-314

Вторая половина 80-х годовъ была неблагопріятна для покупокъ товариществами. Спросъ на землю со стороны нѣмцевъ, спросъ населенія, возлагавшаго на крестьянскій банкъ преувеличенныя надежды, сильно поднялъ продажныя цѣны, которыя затормозили покупки, возникавшія самостоятельно въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, не оказавъ, однако, большого вліянія на мѣстности малонаселенныя. Съ теченіемъ времени, однако, нѣмцы, по выраженію крестьянъ, стали „насыщаться“, а дѣятельность крест. банка въ Херсонской губерніи достигала нуля; крестьянство же продолжало выдѣлять массу разжившихся единицъ, которымъ становилось тѣсно въ средѣ односельцевъ, несочувственно относившихся къ выдѣлявшейся группѣ. Эти единицы и были инициаторами по составленію товариществъ, въ которыя входили и крестьяне среднего достатка.

Данныя изъ исторіи товариществъ, которыя приводитъ далѣе авторъ, указываютъ, по его мнѣнію, на сильную живучесть индивидуализма у южно-русскаго земледѣльца и на стремленіе къ обособленному хозяйничанью. „Для него товарищеская форма является не цѣлью, а лишь средствомъ борьбы съ условіями, препятствующими у насъ развитію мелкой поземельной собственности“.

Во второй главѣ авторъ останавливается на бытовой сторонѣ возникновенія и жизни товариществъ, указываетъ на ту роль, которую играютъ „факторы“ при покупке земли, и къ какимъ неурядицамъ приводитъ покупка, совершенная при ихъ помощи. Здѣсь же говорится и о раздѣлѣ земли, который въ значительныхъ товариществахъ тянется недѣли двѣ и влечетъ за собою продолжительныя пререканія, разрѣшить которыя очень трудно, главнымъ образомъ, по отсутствію всякихъ правилъ насчетъ поземельныхъ товариществъ. Не смотря на здравый смыслъ товарищей и не смотря на то, что крестьянинъ старается разрѣшить всѣ несогласія на основаніи тѣхъ обычаевъ, которые онъ вынесъ изъ общины и почерпнулъ изъ наблюденія жизни такихъ же товариществъ, возникшихъ раньше, — какъ русскихъ, такъ и нѣмецкихъ, — все-таки многое разрѣшается здѣсь физической силой.

Цифровыя данныя о послѣдовательномъ развитіи товарищескаго землевладѣнія, приводимыя авторомъ въ третьей главѣ, указываютъ на значительный ростъ крестьянскаго землевладѣнія; причемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ уѣздахъ Александрійскомъ, Елисаветградскомъ, Апаніевскомъ, Тираспольскомъ, Одесскомъ и Херсонскомъ пріобрѣтенія, возникшія самостоятельно, превышаютъ покупки съ помощью крест. банка, больше чѣмъ въ 4 раза; первая составляютъ 82,8, а послѣднія 17,2 проц. общей площади пріобрѣтеній.

Опредѣляя въ концѣ брошюры приблизительную площадь мелкаго вѣдѣльнаго крестьянскаго землевладѣнія въ названныхъ уѣздахъ, авторъ говоритъ: „сто двадцать тысячъ десятинъ, — вотъ площадь очень близкая къ той, которая выражаетъ дѣйствительныя пріобрѣтенія мелкаго крестьянина-пахаря за тридцатилѣтній періодъ времени послѣ прекращенія барщинныхъ повинностей. Количество это распредѣляется между десятью тысячами мелкихъ владѣльцевъ-крестьянъ, что составитъ въ среднемъ около двѣнадцати десятинъ земли на cadaго. Указанная выше площадь составляетъ лишь 6 проц. земли, полученной крестьянами въ надѣлъ и 3 проц. всей площади частнаго владѣнія. Но и эти, сравнительно неважныя, результаты достигнуты были при большихъ затратахъ и напряженіи мелкаго крестьянства, которое въ большинствѣ случаевъ должно было оставаться лишь зрителемъ, когда сподручныя земли, безъ которыхъ оно не можетъ жить по-человѣчески, уходили и продолжаютъ уходить въ руки нѣмцевъ и всякаго рода спекулянтовъ. Возрожденная земская статистика имѣетъ предъ собою благодарную задачу привести въ точную извѣстность площадь земли и выяснитъ отношенія къ ней земледѣльца и всякаго рода земельныхъ эксплуататоровъ. Только массовое наблюденіе и цѣлыя организаціи могутъ показать обществу дѣйствительное положеніе дѣла въ столь важной области народной жизни и пробудить въ немъ сознаніе необходимости прійти на помощь слабому земледѣльцу въ полученіи такого клочка земли, который дастъ ему возможность продолжать свое исконное занятіе и удовлетворить свои насущныя потребности“.

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ коснуться болѣе подробно содержанія этой крайне-интересной брошюры. —

Неприкрашенная дѣйствительность.

Отнимите у человѣка мечты, и жизнь покажется ему тяжелой и скудной. Конечно, рѣдко кто сознается, что имъ владѣетъ мечта; но мало также и такихъ храбрыхъ трезвенниковъ, которые никогда не грѣшили бы стараніемъ такъ или иначе прикрашивать суровую дѣйствительность. Хочется отдохнуть душой отъ жестокой правды жизни и отърадной мечтѣ почерпнуть новыя силы, новыя упованія. Хочется... Но жизнь имѣетъ право не только ежеминутно заявлять о своей правдѣ, она вправе требовать къ себѣ самаго добросовѣстнаго отношенія и вниманія ко всѣмъ ея красотамъ и безобразіямъ. Безъ этого вниманія не можетъ быть правильнаго взаимодействія отдѣльныхъ

личностей съ окружающей ихъ жизнью, и спасибо тѣмъ людямъ, которые всѣми зависящими отъ нихъ средствами заставляютъ насъ правду жизни отдѣлять отъ мечты.

Такую роль взяли на себя въ послѣднее время А. Чеховъ. Нѣкоторые критики не признавали въ его произведеніяхъ никакой идейности, никакого направленія, но всѣ отдавали справедливость его реализму, огромному художественному таланту, вѣрности всѣхъ его образовъ, даже мимолетно набросанныхъ. У Чехова нѣтъ излюбленныхъ типовъ, нѣтъ никакихъ пристрастій къ тѣмъ или инымъ явленіямъ нашей жизни. Но когда въ этой жизни является какое-нибудь чрезмѣрное увлеченіе въ ту или другую сторону, Чеховъ однимъ коротенькимъ рассказомъ умѣетъ отрезвить насъ, отогнать „мечту“ и поставить на ея мѣсто правду жизни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ написалъ „Скучную исторію“ — одно изъ лучшихъ своихъ произведеній. Это было въ концѣ 80-хъ годовъ, когда многіе, не видя возможности продуктивно работать на живомъ, общественномъ принципѣ, старались находить удовлетвореніе въ однихъ научныхъ занятіяхъ и для блага человечества замыкались въ свои ученые кабинеты. Чеховъ своей «Скучной Исторіей» говорилъ этимъ людямъ, что одна наука не въ силахъ дать отвѣта на многіе самые жгучіе вопросы жизни, не въ состояніи разрѣшить самыя главныя задачи исполнѣ сознательнаго бытія. Когда же всѣ лучшія личности всецѣло отдаются широкой общественной благотворительности, онъ въ очеркѣ „Домъ съ мезониномъ“ *) рѣзко, прямо говоритъ, что всѣ эти «сельскія аптечки, библіотечки» — простое самоуслажденіе, «мечта», баюкающая благородныя, но недальнозоркія души, что это — та капля въ морѣ житейскаго горя и зла, удовлетвориться которою не можетъ человекъ, смѣло глядящій жизни въ глаза. Теперь, когда заботы о духовномъ развитіи народной массы, о ея просвѣщеніи какъ бы оттѣснили даже заботы объ экономическихъ нуждахъ народа, — Чеховъ предлагаетъ намъ очеркъ «Мужики» **). Въ этомъ произведеніи нѣтъ лиризма народника, ни эпического спокойствія великихъ художниковъ, ни язвительности обличителя. Кажется, что читаешь какіе то путевые очерки, записки путешественника, одинаково объективно разсматривающаго и африканскаго дикаря, и англичанина, представителя высшей культуры. Фабула совершенно проста. Крестьянинъ Николай, служившій лакеемъ въ московской гостиницѣ, захворалъ и, такъ какъ дома болѣть и легче, и дешевле, вернулся съ женой и дочерью въ свое родное село Жуково, въ свою семью. Проживши тамъ зиму, онъ умеръ, а жена и дочь, побираясь, вернулись въ Москву на

заработки. Въ очеркѣ говорится о томъ, какъ живетъ семья Николая, — отецъ, мать, братъ, двѣ невѣстки, ихъ дѣти. Семья самая обыкновенная; на ея жизни Чеховъ и остановился потому, что такъ живутъ вообще «мужики»; живутъ впроголодь, ненавидя того, кто стѣлъ лишній кусокъ хлѣба, не отработавши его настоящимъ трудомъ; мужъ напивается до безчувствія и такъ колотитъ жену, что ее водой отливаютъ; молодая бабенка ходитъ гулять въ отсутствіи мужа-солдата, и въ одну холодную ночь парни напали на нее и раздѣли до-нага. Эта семья имѣетъ недоимокъ 119 р. Старикъ отецъ вспоминаетъ крѣпостное право съ удовольствіемъ: „за обѣдомъ тебѣ щи и каша, въ ужинъ тоже щи и каша. Огурцовъ и капусту было вволю, ѣшь добровольно, сколько душа захочетъ“. А теперь на всю семью изъ трехъ мужчинъ и пяти женщинъ варится похлебка изъ одной селедочной головки. Когда на Покровъ зарѣзали барана, то ѣли его утромъ и вечеромъ, — чтобы отъѣстаться за долгое воздержаніе, ѣли до тошноты. Въ жизни Чеховскихъ мужиковъ нѣтъ рѣчи ни о школѣ, ни о книгѣ. Правда, они любятъ, когда грамотная жена Николая читаетъ Евангеліе, и слушаютъ ее съ умиленіемъ, впадая въ чувствительное состояніе при словахъ „дондеже“ и „аще“. И религія вся сводится къ обожанію иконъ и лентанью однихъ словъ: „Казанская Божья Матерь, Смоленская Божья Мать, Троеручица Божья Матерь...“ На храмовой праздникъ пропивается 50 р. „обческихъ денегъ“, а когда хотятъ объяснить себѣ, почему такъ плохо стало жить, то винятъ, — неизвѣстно почему, — земство, усматривая въ немъ какого-то невидимаго, но злостнаго врага. Въ воздухѣ деревни раздается брань, грубая, необъяснимая брань, отъ которой прожить горожанка Ольга, жена Николая.

Таковы „мужики“ Чехова. Ни злости, ни испорченности въ нихъ не видно, а одно страшное оупѣніе, непроходимая темнота и бѣдность — бѣдность безъ конца. Поможетъ ли тутъ одна школа съ самой полной библіотечкой? Гдѣ же тѣ „господствующіе классы“, которые такъ охотно идутъ просвѣщать народъ? Въ дер. Жуково есть и семья помѣщика, — красивыя барышни показываются въ церкви, братъ ихъ, студентъ, верхомъ пріѣзжаетъ на пожаръ и ловко, властно распоряжается среди перепуганной толпы. Но и студентъ, и красивыя барышни, это — прекрасныя видѣнія изъ другого міра; а все село Жуково, это — бѣдность, тупость, пьянство. Гдѣ же тутъ тѣ „Искорки“, которыя насъ такъ радуютъ въ очеркахъ Рубакина, гдѣ тѣ частныя благотворители и гдѣ общество, задающіеся благородной цѣлью просвѣтить народную массу? — Знаютъ ли они о селѣ Жуковѣ? Съ какой же цѣлью написалъ своихъ „мужиковъ“ Чеховъ, какъ разъ черезъ годъ послѣ „Домъ съ мезониномъ“, гдѣ такъ горячо убѣждаетъ благоотво-

*) См. Русск. Мысль № 4, 96 г.

**) См. Русск. Мысль 97 г. № 4,

рительницу-помѣщицу, что не въ ея силахъ излѣчить больной народъ, когда онъ пухнетъ отъ голода? Не хотѣлъ ли онъ этой жестокой правдой изъ жизни села Жукова еще сильнѣе, образнѣе подтвердить эту мысль и отвлечь насъ отъ рсзовыхъ грезъ къ некрасивой дѣйствительности? Оглянемся вокругъ себя повнимательнѣе, и мы увидимъ, какъ еще много у насъ селъ Жуковыхъ; нечего обольщаться грезами,—передъ нами большая, тяжелая работа обновленія этихъ селъ, просвѣтленія народной массы. Если это просвѣтленіе для насъ не только обманчивая греза, а необходимая, неотклонимая никакими затрудненіями цѣль жизни, — тогда спасибо Чехову, что онъ, срывая всѣ прикрасы мечты, напоминаетъ намъ о трудности и широтѣ задачи.

Если тяжело читать, какъ живутъ „Мужики“, то все же остается при этомъ утѣшеніе, что, когда въ селѣ будетъ меньше нужды и больше просвѣщенія, эти люди заживутъ человѣческой жизнью. Но когда взглянешь на другую неподкрашенную дѣйствительность—на жизнь богатыхъ, аристократическихъ слоевъ населенія, напр., въ романѣ Боборыкина („По другому“), когда видишь, какъ это образованное, сытое общество тѣшитъ себя представленіями атлетовъ, тогда эта жизненная дѣйствительность вызываетъ одно недоумѣніе, одно желаніе уйти отъ нея, жить лучше мечтами, чѣмъ этой ужасной жизнью разврата для разврата.

С. Р.

БАЛАХОНЪ.

(Эскизъ).

Не то матерія, не то камни, не то древесная кора,—разобрать положительно не было возможности, такъ все это засалилось, запылилось, выцвѣло отъ солнца, поливло отъ дождя, грязи и продолжительнаго прикосновенія къ постороннимъ предметамъ. Можетъ быть даже, подъ вліяніемъ долгаго времени, солнечныхъ лучей, кислорода воздуха и соединеній различныхъ элементовъ химическій составъ балахона Хаима Пайцеля совершенно измѣнился и ближе былъ къ составу шкуры, наткнутой на барабаны, чѣмъ къ бумажному камлиту, изъ котораго былъ сшитъ еще ко дню бракосочетанія Хаима съ его Ривой. И все таки онъ, этотъ несмѣлимый балахонъ, еще носился и былъ предметомъ особой заботливости супруговъ. Даже больше того, не проходило дня, что бы о немъ между Хаимомъ и Ривой не было разговора. Одно время они думали вымыть его, но лилось опасеніе, что, по удаленіи грязи, сала, клея, краски и другихъ не менѣе клейкихъ веществъ, отъ камлота ничего не останется, кромѣ клочковъ ваты и заплатъ, наложен-

ныхъ на подкладкѣ. Такъ эта мысль и была оставлена, и теперь они старались только тщательно его просушивать, такъ какъ отъ сырости въ многоразличныхъ паслоевыхъ балахона начиналось броженіе, и онъ выказывалъ склонность къ разрушенію. А это было бы катастрофой, послѣдствія которой ни Хаимъ, ни Рива не могли себѣ даже представить. Они знали только, что Хаиму тогда нельзя было бы уже выйти изъ дома, такъ какъ это была его единственная и верхняя, и нижняя одежда. А отъ выхода изъ дома зависѣло все. И самъ Хаимъ, и его жена Рива, и маленькіе Хаимята и Ривята жили тѣмъ, что Хаимъ ходилъ по городу съ ранняго утра и до поздняго вечера и скупалъ, гдѣ можно, разные пузырьки, бутылки и прочую стеклянную посуду. Скупалъ и потомъ продавалъ, чѣмъ и зарабатывалъ 30 коп. а въ счастливые дни, до 50 копѣекъ въ день. Другой торговлей онъ не занимался, такъ какъ всякій другой товаръ цѣнностью своей превышалъ его наличныя средства. Весь оборотный капиталъ его заключался въ 2-хъ рубляхъ, полученныхъ въ приданое за Ривой. Съ тѣхъ поръ онъ не увеличился и не уменьшился. Но увеличился, потому что Хаимъ былъ слишкомъ робокъ и не умѣлъ пользоваться случаемъ, а не уменьшился, потому что Хаимъ и Рива въ дни неудачъ просто сидѣли голодные, но не трогали основного капитала.

А между тѣмъ былъ случай увеличить оборотный капиталъ, и при томъ же довольно крупной суммой. Это было уже давно, и, если бы тогда Хаимъ воспользовался этимъ случаемъ, онъ теперь, можетъ быть, былъ бы состоятельнымъ человѣкомъ. Случилось это въ третій годъ ихъ супружества, какъ разъ въ довятый день послѣ появленія на свѣтъ второго ребенка. Передъ этимъ, по случаю родовъ Ривы, Хаиму почти не удавалось выходить изъ дома, и онъ торговалъ плохо, такъ что на восьмой день у нихъ въ домѣ уже не было ни куска хлѣба и ни копейки денегъ. Вечеромъ они легли спать безъ ужина, а ночью старшая дѣвочка все просыпалась и просила ѣсть. Хаимъ всю ночь не спалъ; это былъ еще первый случай, когда его ребенокъ на его глазахъ страдалъ отъ голода. Утромъ, еще до солнца, онъ уже бѣгалъ по городу, забѣгалъ на кухню и робко спрашивалъ: нѣтъ ли бутылочекъ? Но его вездѣ гнали погнѣ.

Ранняя ли пора тому была причиной, или день вышелъ ужъ такой незадачный, только кухарки какъ будто были особенно злы и съ сердцемъ кричали на Хаима.—„Чего, жидъ, спозаранку забрался? Ишь тебѣ не спится! Все бы тебѣ деньги наживать! У, проклятый жида! Иди, убирайся отсюда!..“

Время подошло уже къ десяти часамъ, и онъ купилъ только три пузырька за 2 копейки, которые можно было продать не больше, какъ за три.

— Одна копейка!—думалъ Хаимъ.—Что сдѣлаешь на копейку?